

УДК 94(510).03

КОНЦЕПЦИЯ СФЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЙСКОМ ПРАВЕ

В.М. Рыбаков

Аннотация

Китайские законодатели ещё в эпоху династии Тан (618–907) осознали необходимость ужесточения карательных санкций по отношению к чиновникам, использующим свои полномочия в корыстных целях. Данная статья посвящена анализу понятия сферы административной ответственности, игравшего ключевую роль в разграничении криминальных действий чиновника, совершаемых вне и внутри его юрисдикции. На основании конкретных статей уголовного кодекса династии Тан реконструируется тогдашнее представление о различиях между статусом и функцией государственного служащего, а соответственно, и о критериях применения к преступным государственным служащим ординарных или специфических наказаний.

Ключевые слова: традиционные общества, государство и право, бюрократия, идеология, развитие законодательства.

Китай является страной уникальной по многим параметрам. В частности, раннее развитие централизованной и практически всепроникающей властной структуры, высокий престиж административной деятельности в традиционной конфуцианской культуре и беспрецедентно долгое непрерывное существование Китайской империи как таковой сделали Китай своеобразным мировым полигоном бюрократии. Китай очень рано столкнулся как с выгодами, которые обеспечивает использование для управленческой деятельности профессионального слоя кадровых администраторов, так и со всеми издержками такой системы. Главной и, похоже, вечной издержкой подобного рода является использование чиновниками делегированных им высшей властью полномочий в собственных целях, для личного обогащения, удовлетворения личных амбиций, а то и поползновений, прямо идущих вразрез с надлежащими добродетелями конфуциански образованного «совершенного мужа» (*цзюньцзы* 君子).

Опыт Китая по борьбе с негативными свойствами бюрократии огромен и требует самого пристального изучения, ибо и поныне даже самые демократичные страны мира страдают от этого социального зла, и с годами – всё сильнее.

Обусловленное самыми общими представлениями о мироздании стремление китайской культуры к сбалансированности (равновесию действия и противодействия) в области уголовного права привело к настойчивым стараниям очень точно увязать меру виновности и меру ответственности, тяжесть проступка и тяжесть наказания.

Китайская правовая мысль очень рано поняла, что чиновник вообще и чиновник по месту службы, чиновник по статусу и чиновник по функции – это два совершенно разных субъекта либо объекта преступления. И поэтому уже в уголовном кодексе династии Тан (618–907 гг.)¹ китайский уголовный закон очень чётко разграничивал чиновника вообще (чиновника как такового) и чиновника по месту исполнения им своих должностных обязанностей.

К примеру, тот, кто поднял руку на государственного служащего более или менее высокого ранга, наказывался, как правило, аналогично тому, кто поднял руку на равного, просто с некоторым утяжелением, которое вычислялось по достаточно простым правилам. Скажем, если простолюдин или мелкий государственный служащий нанёс побои без телесных повреждений чиновнику 1-го, 2-го или 3-го рангов, он должен был быть наказан 2 годами каторги [1, ст. 316; 2, с. 188]². За аналогичное преступление против равного ему простолюдина полагалось всего лишь 40 ударов лёгкими палками [1, ст. 302; 2, с. 148], хотя и 2 года каторги относились к наказаниям средней тяжести. Если же объектом нанесения побоев был чиновник средних рангов, наказание вычислялось путём уменьшения на 2 степени, то есть в нашем примере вместо 2 лет каторги следовало применить 1 год каторги³ [1, ст. 316; 2, с. 189].

А вот если столь же лёгкие побои без телесных повреждений кто-то нанёс своему начальнику, начальнику административной единицы, в которой он живёт, и вообще государственному служащему, в чьей юрисдикции он находится, наказание составляло 3 года каторги [1, ст. 312; 2, с. 177].

С другой стороны, любой чиновник, который совершил в сфере своей юрисдикции вовлечение в развратные сношения лично свободной женщины (то есть не являющейся рабыней и не принадлежащей к иным категориям лично зависимых) либо хищение в размере определённой стоимости или более и некоторые иные преступления против личности или имущества подведомственных ему людей, он подлежал разжалованию (*чумин* 除名). Это значило, что он на 6 лет лишался всех своих должностей, рангов и аристократических титулов. В течение этого срока он был, естественно, не в состоянии заниматься какой-либо управленческой деятельностью и фактически отбрасывался к тому статусу, который имел до начала своей карьеры (а если имел титул – то даже ниже, ибо титулы отбирались даже наследственные, и они-то уже вообще не возвращались преступнику никогда). По прошествии 6 лет такой чиновник имел возможность снова пытаться занять должность на общих основаниях⁴, причём в сильно пониженном ранге. Интересно, что чем выше был ранг разжалованного

¹ Обнародованный и введённый в действие в 653 г. знаменитый кодекс династии Тан «Тан луй шу и» является первым дошедшим до нас в полном виде сводом уголовных установлений Китая, но возник он, разумеется, не на пустом месте и во многом либо ориентировался на уложения предыдущих династий, либо отталкивался от них. В свою очередь, танский кодекс стал образцом для всего дальнейшего правотворчества Китая вплоть до падения империи в 1911 г., а поскольку Китай на протяжении столетий был цивилизационным центром региона, то он был образцом и для правотворчества соседних стран, входивших в этот культурный ареал, – для Вьетнама, Японии, Кореи, тангутского государства Си Ся и прочих.

² Традиционная китайская шкала должностных рангов состояла из 9 рангов (*пинь* 品), каждый из которых подразделялся на 4 разряда (*цзе* 階), а высшие ранги с 1-го по 3-й – на 2 разряда. Всего, таким образом, шкала насчитывала 30 делений.

³ Уменьшение 2 лет каторги на 1 степень по танской шкале наказаний давало 1.5 года, а на 2 степени – 1 год.

⁴ Чиновники должны были сдать отборочные экзамены на должность.

преступника, тем больше был относительный ранговый сброс: например, тот, кто был разжалован из 4-го ранга, восстанавливался в 7-м, а кто был разжалован из 8-го – в 9-м, самом низком [1, ст. 21; 3, с. 148].

За совершенно аналогичные преступления – вовлечение лично свободной женщины в развратные сношения, хищение той же стоимости и прочие – чиновник, который ухитрился сделать своё чёрное дело вне сферы своих полномочий, то есть там, где у него не было административных рычагов давления на подведомственных, наказывался всего лишь лишением занимаемых должностей (*мянь гуань* 免官). Это значило, что он мог восстановиться на службе уже через 3 года с понижением в ранге всего лишь на 2 разряда. Титулы знатности оставались в неприкосновенности.

Ясно, что чиновник как таковой был всего лишь персоной более высокого, нежели простолюдин, статуса. Иное дело, когда чиновник подвергался агрессии или проявлял агрессию внутри сферы своих полномочий, то есть непосредственно в том уголке мироздания, порядок и мораль в котором он был поставлен блюсти. Именно за этот уголок данный казенный муж отвечал перед императором и страной. И поэтому именно в пределах данного уголка действовали вверенные ему ради пользы дела полномочия и прерогативы, которые он не имел ни малейшего права использовать ради своих потребностей и прихотей, – те самые полномочия, которые подчиняли ему подведомственных ему людей, но и делали их перед ним беззащитными.

Для ряда криминальных ситуаций понятие «сферы полномочий» (*цзяньшоу нэй* 監守內), а также «полномочного или заведующего чиновника» (*цзяньлинь чжушоу* 監臨主守, *цзяньчжу* 監主) являлось решающим фактором, определявшим строгость наказания и нормы его применения.

Концепция сферы административной ответственности полномочных или заведующих чиновников резко разграничивала статус и функцию казённого человека. Согласно статусу некоторые преступления были для чиновника не столь недопустимы, как для простолюдина, – ровно так же, как, скажем, не столь страшны и не столь строго наказуемы были преступления лично свободного против чужого лично зависимого (тем более – собственного лично зависимого) или, например, мужа против жены (тем более – наложницы). Конфуцианизированное право не признавало равенства неравных и полагало как раз его сугубой несправедливостью. Было очевидно, что, скажем, муж, побивший наложницу, был менее виноват, чем муж, ровно так же побивший жену [1, ст. 325; 2, с. 207–208].

Однако, с другой стороны, если чиновник совершал преступление не просто против лица более низкого статуса, но против того, кто (или что, если речь шла об имуществе) был ему вверен по службе, кто от него зависел, кого он обязан был воспитывать на собственном примере и кому обязан был являть образцы высокоморального поведения, – словом, за кого (или за что) он отвечал, то это было совсем иное дело. В сфере административной ответственности чиновника его особый статус, его расширенные права были всего лишь средствами, чтобы облегчить ему выполнение его высоких служебных функций.

Поэтому, в силу особой его важности для квалификации преступлений и определения тяжести наказаний, понятия «полномочных» (*цзяньлинь* 監臨) и «заведующих чиновников» (*чжушоу* 主守) досконально разобраны в танском

кодексе. Им посвящена отдельная статья, не предусматривающая никаких конкретных мер наказания, но исключительно анализирующая ситуации, в которых чиновника следует полагать полномочным или заведующим.

В первую очередь термином *цзяньлин* обозначалось всевозможное прямое начальство. «Как полномочные [чиновники] рассматриваются те, кто осуществляет общее руководство (*тун шэ* 統攝), и те, кто ведёт разбирательства (*ань янь* 案驗). <...> «Осуществляет общее руководство» – имеются в виду начальники всех столичных и провинциальных (*нэйвай* 內外) учреждений, которые осуществляют общее руководство тем, что им подведомственно (*собу* 所部)» [1, ст. 54; 3, с. 277–278].

Хотя требования идеологической иерархии привычно вынудили составителей текста поставить при формальном перечислении «внутренности» страны прежде её «внешней» глубинки, однако, как явствует из приводимых затем в разъяснении к статье примеров, в первую очередь законодателей волновало поведение именно начальников местных административных единиц и их непосредственных подчинённых. Это легко понять и с высот современного опыта: управу на местного начальника всегда найти куда труднее, нежели на столичного, ибо в столице сосредоточено столько важных учреждений и персон, что пресловутая «система сдержек и противовесов» и впрямь может быть порой обнаружена. В глухой же провинции, если воспользоваться известной поговоркой, *любой псарь имеет возможность побыть царём*.

Наиболее явными полномочными чиновниками оказывались начальники гражданских административных единиц – округов (*чжоу* 州) и уездов (*сянь* 縣). Эти начальники полностью отвечали за все дела вверенных им административных единиц – и потому с наибольшей лёгкостью могли использовать свои полномочия в корыстных целях – не как орудие упорядочивания и облагораживания, но как рычаг произвола. Их полномочия распространялись на всё подведомственное население и на всё подведомственное имущество; другими словами, в случае злоупотреблений начальники рассматривались не просто как лица более высокого социального статуса, но как полномочные чиновники, совершившие преступление относительно того, что им подведомственно и находится в сфере их полномочий. Полномочными являлись и служащие верхушки административного аппарата территориальных единиц – непосредственные помощники начальника и чиновники, принимающие решения по конкретным текущим делам.

Даже если некие посторонние, пришлые подданные по делам торговли или каким-то иным проезжали через территорию данной административной единицы либо временно останавливались в ней на жительство, так что их имена оказывались зарегистрированы в каких-либо местных документах, то относительно таких подданных местное начальство тоже становилось полномочным. Не внесённые в местные налоговые и подворные списки лично свободные простолюдины, оказавшись под местной юрисдикцией, тоже попадали в данную сферу административной ответственности.

Немногим отличались от гражданских администраторов начальники и должностные лица территориальных военных единиц – дружин ополчения (*чжэчунфу* 折衝府), гарнизонов и военных округов (*чжэнь* 鎮), пограничных застав (*шу* 戍). Формально считалось, что они управляют всего лишь персоналом (*шэнь* 身),

но не членами семей персонала (*цзякоу* 家口). Поэтому их сфера административной ответственности распространялась только на состав подчинённых им войсковых подразделений. Однако в случае совершения ими против членов семей своих подчинённых тех преступлений, что представляют для начальника наибольшее искушение, – вовлечения в развратные сношения (*цзянь* 姦) и получения имущества (*цюйцай* 取財)⁵, относительно любого из родственников непосредственно подчинённых лиц такой начальник также считался полномочным.

Специфику поведения относительно подведомственных лиц и их имущества кодекс разъясняет на следующем примере: если некий командир (*чжушуй* 主帥) совершил хищение вещей из дома подчинённого ему бойца, это не следовало рассматривать как получение имущества в сфере полномочий. Это была просто кража. И с нашей современной точки зрения такой подход выглядит вполне логичным и справедливым: неважно, сколько у вора звёздочек на погонах, важно, что он просто вор – и всё. Его особое положение по отношению к подчинённому не было фактором, облегчившим осуществление кражи или увеличившим её размер. Ни единая душа не видела, кто именно пробрался в дом рядового: прохожий нищий или генерал при полном параде. На то она и кража⁶. А вот если тот же самый командир открыто и явно зашёл бы в дом к одному из подчинённых солдат и вдруг завёл бы речь о том, как ему понравились серёжки солдатской жены или древний свиток, почтительно читаемый солдатским сыном, – ситуация оказалась бы чревата именно получением имущества в сфере полномочий со всеми вытекающими последствиями.

Аналогичные правила действовали и в отношении руководства столичных учреждений. Там, при всей их значимости и при всей высоте рангов их старших чиновников, не было подведомственного населения. У них был лишь подчинённый персонал. И полномочными эти сановники оказывались с точки зрения закона лишь по отношению к этому персоналу, а также – в случаях вовлечения в развратные сношения или получения имущества – по отношению к членам их семей.

Даже Правительствующий надзор (*шаншуйшэн* 尚書省) – центральное исполнительное учреждение тогдашнего Китая, совокупность, если можно так выразиться, отраслевых министерств, – в чьи прямые прерогативы входило управление провинциальными административными единицами, далеко не всегда мог считаться полномочным по отношению к ним. Каждую ситуацию надо было оценивать отдельно. Только если преступным произволом в каких-либо делах округа или уезда сопровождалось прохождение из надзора в данный округ или уезд тех или иных документов, имевших прямое отношение к данным окружным или уездным делам, чиновники центрального учреждения могли быть расценены как полномочные по отношению к потерпевшим.

И в иных обстоятельствах этому фактору также придавалось решающее значение. Помимо разнообразного начальства к тем, кто осуществляет общее руководство, приравнивались по своей способности использовать служебное положение как фактор давления и принуждения те, кто «ведут разбирательства».

⁵ Что, вероятно, надо трактовать в первую очередь как взяточничество и вымогательство.

⁶ «Кража имущества [другого] человека – это незаметное или тайное взятие» [1, ст. 282; 2, с. 94].

На этой второй ипостаси полномочного состояния кодекс, к сожалению, почти не останавливается, словно подразумевая, что данное понятие и без лишних слов всем ясно. О ведущих разбирательство сказано одной лишь фразой: «Ведут разбирательства – имеются в виду администраторы (*паньгуань* 判官) всех учреждений, которые выносят решения и определяют приговоры по [вверенным] им делам (*паньдуань ци ши* 判斷其事)» [1, ст. 54; 3, с. 278].

Чиновники вышестоящих организаций, ответственные за руководство нижестоящей организации, считались полномочными по отношению к ней. Чиновники вышестоящей организации, посланные в нижестоящую для помощи в каких-либо её делах, считались ведущими разбирательство по отношению к нижестоящей организации.

К полномочному начальству приравнивались, что характерно, и лица куда более низкого статуса – заведующие. Их власть в масштабах страны или хотя бы территориальной административной единицы или учреждения была ничтожной; но в рамках своего объекта или дела они могли иметь влияние не меньшее, чем, скажем, начальник уезда – в рамках уезда. «Когда указывается на заведующих [чиновников], как заведующие рассматриваются те, кто персонально (*гунцинъ* 躬親) обеспечивает сохранность (*баодянь* 保典). <...> Заведующие – имеются в виду те, кто осуществляет контроль над конторщиками и служащими (*дяньли* 典吏) и самостоятельно распоряжается вверенным делом (*чжуань чжучжан ци ши* 專主掌其事), а также те, кто заведует (*шоу* 守) [объектами] такого рода, как амбары, хранилища, тюрьмы, и [находящимися там] арестантами и разнообразными вещами» [1, ст. 54; 3, с. 280–281].

Понятно, что начальник тюрьмы или склада по отношению к арестантам или хранящемуся на складе имуществу представляет не меньшую, а может, и большую опасность, нежели высокопоставленный начальник округа по отношению к своему населению. Эту специфику танские законодатели учли в полной мере, уравнивая вторых и первых. Пусть зона ответственности у начальника амбара значительно меньше, чем у, например, командующего гвардейским полком, – по отношению к тому, что находится в соответствующей зоне, оба практически в равной мере поставлены в преимущественное положение сравнительно с теми, кто к ней не имеет касательства.

Правовой статус полномочного и заведующего мог на какое-то время в силу выполняемого разового поручения или иных обстоятельств получать чиновник, вообще-то по своей должности не являющийся ни полномочным, ни заведующим. Кодекс называет это *линъши бэй цянь цзяньчжу* 臨時被遣監主 – «временно по необходимости посланы как полномочные или заведующие» [1, ст. 54; 3, с. 280–281]. На время исполнения миссии относительно тех, кто оказался такому командировочному подконтролен, он приравнивался к полноценным, постоянным полномочным и заведующим.

Интересные дополнения в эту характеристику вводятся одной из статей посвященного чиновникам раздела Кодекса буквально по ходу дела. «Те, кто осуществляет общее управление или ведёт разбирательство, рассматриваются как полномочные чиновники. <...> Имеется в виду, что администраторы (*паньгуань* 判官) и выше в округах (*чжоу* 州), уездах (*сянь* 縣), военных округах

и гарнизонах (*чжэнь* 鎮), пограничных гарнизонах (*шу* 戍) и территориальных дружинах ополчения (*чжэчунфу* 折衝府) в целом рассматриваются как полномочные чиновники (*цзяньлин* 監臨). Помимо них только те, кто осуществляет общее управление своим учреждением или ведёт [какое-либо] разбирательство, [причисляются к таковым]. <...> Находятся на должности, но не являются полномочными (*цзай гуань фэй цзяньлин* 在官非監臨) – имеются в виду те, кто в округах, уездах, военных округах и гарнизонах, пограничных гарнизонах и территориальных дружинах ополчения не являются администраторами (*паньгуан* 判官) и выше. Те, кто в округах [являются] соучастниками в делах (*цаньцзюньши* 參軍事) или секретарями (*луши* 錄事), относительно подведомственного им (*юй собу* 於所部) не могут рассматриваться как постоянно полномочные чиновники (*чан вэй цзяньлин* 常為監臨). Они рассматриваются как находящиеся на должности, но не являющиеся полномочными. Если же держат в руках [какое-либо] дело (*ю ши цзай шоу* 有事在手), то рассматриваются как ведущие некое разбирательство (*ю со аньянь* 有所案驗). Тогда они являются полномочными или заведующими (*цзяньлин чжушоу* 監臨主守). <...> Администраторы и выше в округах, уездах, военных округах и гарнизонах, пограничных гарнизонах и территориальных дружинах ополчения относительно того, что им подведомственно (*сосу* 所部), в целом рассматриваются как полномочные чиновники. Помимо них только те, кто осуществляет общее управление своим учреждением или ведёт [какое-либо] разбирательство, [причисляются к таковым]. <...> Те, кто осуществляет общее управление или ведёт разбирательство, безразлично, имеют они ранг или нет (*бу сянь ю пинь у пинь* 不限有品無品), если только их служебные обязанности заключаются в ведении [какого-либо] вверенного им дела (*чжичжан ци ши* 職掌其事), называются полномочными или заведующими (*цзяньлин чжушоу* 監臨主守)» [1, ст. 146; 4, с. 102–104].

Упоминание о том, что государственных служащих можно было считать полномочными или заведующими фактически вне зависимости от высоты их ранга или важности их поста, лишний раз демонстрирует нам, насколько глубоко проникли тогдашние китайские законодатели в суть проблемы и в какой степени старались они сохранить объективность, отнюдь не фетишизируя высокопоставленность как таковую.

Это положение ещё не раз подтверждается в текстах различных статей Кодекса, например: «Заведующий чиновник (*чжушоу* 主守), безразлично, имеет он ранг или нет, – имеется в виду, что лично отвечает за данное хранилище [1, ст. 210; 4, с. 225].

Получается, что под нормы права, предназначенные для полномочных, в соответствующих ситуациях подпадали и государственные служащие, вообще не имеющие полноценных чиновничьих рангов и не являющиеся кадровыми управленцами. Не важен статус – важна функция. Важно, обладаешь ты реальным влиянием или нет. Скажем, персонал речных переправ или внутренних таможен нередко вверяли тогда простолюдинам, так или иначе отличившимся перед администрацией. Получив власть хоть над одним или двумя подчинёнными, начальники становились перед законом полномочными по отношению к ним, их семьям и имуществу со всеми вытекающими последствиями.

Анализ танской концепции «сферы административной ответственности» (как и многих иных положений танского уголовного права) позволяет воочию убедиться, насколько развитой была в средневековом Китае административная деятельность и насколько, соответственно, развито было её уголовно-правовое сопровождение. Остаётся лишь изумлённо восхищаться тем, что уже полторы тысячи лет назад танскими мыслителями были отрефлексированы и теперь-то не всегда осознаваемые нами плюсы и минусы бюрократического управления, и тем, с какой тщательностью в этой седой древности ставились на путях чиновничьего произвола все доступные правовому обществу преграды.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Уголовные законы китайской династии Тан и оптимизация деятельности бюрократии» (проект № 12-01-00017а).

Summary

V.M. Rybakov. The Concept of the Scope of Administrative Liability in Traditional Chinese Law.

As early as in time of the Tang Dynasty (618–907), Chinese lawmakers recognized the need for toughening punitive sanctions against state officials who used their powers for personal gain. This article analyzes the concept of the scope of administrative liability, which played a pivotal role in the differentiation of criminal acts committed by officials either within or beyond their jurisdiction. Based on the concrete articles of the Criminal Code of the Tang Dynasty, the paper reconstructs the view of that time on the difference between the status and the function of a public servant and, accordingly, on the criteria of applying ordinary or special penalties to criminal government employees.

Keywords: traditional societies, state and law, bureaucracy, ideology, evolution of legislation.

Источники

1. Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. – Шанхай, 1936–1939. – 734 с. (на кит. яз.)
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): в 4 т. / Пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2005. – Т. 3: Цзюани 17–25. – 377 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): в 4 т. / Пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. – Т. 1: Цзюани 1–8. – 376 с.
4. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): в 4 т. / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – Т. 2: Цзюани 9–16. – 301 с.

Поступила в редакцию
21.08.12

Рыбаков Вячеслав Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: Ouyangtsev@mail.ru